

ПЕРЕПЕЛКА

Мне было лет десять, когда со мной случилось то, что я вам сейчас расскажу.

Дело было летом. Я жил тогда с отцом на хуторе, в южной России... Отец мой был страстным охотником, и, как только не был занят по хозяйству и погода стояла хорошая, он брал ружьё, надевал ягдташ, звал своего старого Трезора и отправлялся стрелять куропаток и перепелов... Он часто брал меня с собою... большое это было для меня удовольствие!

Я засовывал штаны в голенища, надевал через плечо фляжку – и сам воображал себя охотником! Пот лил с меня градом, мелкие камешки забивались мне в сапоги, но я не чувствовал усталости и не отставал от отца.

Когда же раздавался выстрел и птица падала, я всякий раз подпрыгивал на месте и даже кричал – так мне было весело! Раненая птица билась и хлопала крыльями то на траве, то в зубах Трезора – с неё текла кровь, а мне всё-таки было весело, и никакой жалости я не ощущал. Чего бы я не дал, чтобы самому стрелять из ружья и убивать куропаток и перепелов! Но отец объявил мне, что раньше двенадцати лет у меня ружья не будет, и ружьё он мне даст одноствольное, стрелять позволит только жаворонков. Этих жаворонков в наших местах водилось множество...

Вот однажды мы с отцом отправились на охоту – под самый Петров день. В то время молодые куропатки ещё малы бывают, отец не хотел их стрелять и пошел в мелкие дубовые кусты возле ржаного поля, где всегда попадались перепела. Косить там было неудобно, и трава долго стояла нетронутой. Цветов росло там много: журавлиного горошку, кашки, колокольчиков, незабудок, полевых гвоздик. Когда я ходил туда с сестрой или с горничной, то всегда набирал их целую охапку; но когда я ходил с отцом, то цветов не рвал: я находил это занятие недостойным охотника.

Вдруг Трезор сделал стойку; отец мой закричал: «Пиль!» – и из-под самого носа Трезора выскочила перепёлка и полетела. Только полетела она очень странно: кувыркалась, вертелась, падала на землю, точно она была раненая или, крыло у неё надломилось. Трезор со всех ног бросился за нею... он этого не делал, когда птица летела как следует.

Отец даже выстрелить не мог, он боялся, что зацепит дробью собаку. И вдруг смотрю: Трезор наддал – и цап! Схватил перепелку, принес и подал её отцу. Отец взял её и положил себе на ладонь, брюшком кверху. Я подскочил. «Что это, – говорю, – она раненая была?» – «Нет, – ответил мне отец, – она не была раненая; а у неё, должно быть, здесь близко гнездо с маленькими, и она нарочно притворилась раненой, чтобы собака могла подумать, что её легко поймать». – «Для чего же она это делает?» – спросил я. «А для того, чтобы отвести собаку от своих маленьких. Потом бы она хорошо полетела. Только на этот раз она не рассчитала, уж слишком притворилась – и Трезор её поймал». «Так она не раненая?» – спросил я опять. Нет... но живой ей не быть. Трезор её, должно быть, даванул зубом».

Я подошел ближе к перепёлке. Она неподвижно лежала на ладони отца, свесив головку, и глядела на меня сбоку своим карим глазком. И мне вдруг так жаль её стало! Мне показалось, она глядит на меня и думает: «За что же я умирать должна? За что? Ведь я свой долг исполняла, маленьких своих старалась спасти, отвести собаку подальше – и вот попалась! Бедняжка я! Бедняжка! Несправедливо это! Несправедливо!»

«Папаша!» – сказал я. – «Может быть, она не умрёт...» – и хотел погладить перепёлочку по головке. Но отец сказал мне: «Нет! Вот посмотри: у неё сейчас лапки вытянутся, она вся затрепещется, и закроются её глаза». Так оно точно и случилось. Как только у неё закрылись глаза, я заплакал. «Чему ты?» – спросил отец и засмеялся. «Жаль мне её, – сказал я. – Она долг свой исполняла – а её убили! Это несправедливо!» – «Она схитрить хотела, – ответил мне отец. – Только Трезор её перехитрил». – «Злой Трезор! – подумал я, да и сам отец показался мне на этот раз недобрый. – Какая же тут хитрость? Тут любовь к детёнышам, а не хитрость! Если ей приказано притворяться, чтобы детей своих спасти, – так не следовало Трезору её поймать!» Отец хотел было сунуть перепёлку в ягдташ, но я её у него выпросил, положил бережно в обе ладони, подышал на неё... не очнётся ли она? Однако она не шевелилась. «Напрасно, брат, – сказал отец, – её не воскресишь. Вишь, головка у неё

болтается».

Я тихонько приподнял её за носик; но только я отнял руку – головка опять упала. «Тебе все её жаль?» – спросил меня отец. «А кто же маленьких кормить будет?» – спросил я в свою очередь. Отец пристально посмотрел на меня. «Не беспокойся, – говорит, – самец-перепел, отец их, выкормит. Да вот, постой, – прибавил он, – никак Трезор опять стойку делает.. уж это не гнездо ли? Гнездо и есть». И точно: в траве, в двух шагах от Трезоровой морды, тесно, рядышком лежали четыре птенчика; прижались друг к дружке, вытянули шейки – и все так скоро, в один раз дышат... точно дрожат! А уж оперились; пуху на них нет, только хвостики еще очень короткие. «Папа! Папа! –закричал я благим матом. – Отзови Трезора! А то он их тоже убьёт!»

Отец крикнул на Трезора и, отойдя немного в сторону, присел под кустик, чтобы позавтракать. А я остался возле гнезда, не захотел завтракать. Вынул чистый платок, положил на него перепёлку... Смотрите, мол, сиротки, вот ваша мать! Она собой для вас пожертвовала! Птенчики по-прежнему дышали скоро, всем телом.

Потом подошёл к отцу. «Можешь ты мне подарить эту перепёлочку?» – спросил я его. «Изволь. Но что ты хочешь с ней сделать?» – «Я хочу её похоронить!» – «Похоронить?!» – «Да, возле её гнездышка. Дай мне твой нож; я ей могилочку вырою».

Отец удивился. «Чтобы детки к ней на могилу ходили?» – спросил он.

«Нет, – отвечал я, – а так... мне хочется. Ей будет тут хорошо лежать, возле своего гнезда!» Отец ни слова не промолвил, достал и подал мне нож. Я тотчас же вырыл ямочку, поцеловал перепёлочку в грудку, положил её в ямочку и засыпал землёю.

Потом я тем же ножом срезал две ветки, очистил их от коры, сложил крестом, перевязал былинкой и воткнул в могилку.

Скоро мы с отцом пошли дальше; но я всё оглядывался... Крест был беленький – и далеко виднелся. А ночью мне приснился сон, будто я на небе. И что же? На небольшом облачке сидит моя перепёлочка, только тоже вся беленькая, как тот крестик! И на голове у неё маленький золотой венчик; и будто это ей в награду за то, что она за своих детей пострадала!

Дней через пять мы с отцом пришли опять на то же, место. Я и могилку нашёл по кресту, который хоть и пожелтел, но не свалился. Однако гнёздышко было пусто, птенчиков ни следа. Мой отец меня уверил, что старик их увёл, их отец; и когда в нескольких шагах оттуда вылетел из-под куста старый перепел, он, его стрелять не стал... И я подумал: «Нет! Папа добрый!»

Но вот что удивительно: с того дня пропала моя страсть к охоте, и я уже не думал о том времени, когда отец подарит мне ружьё! Однако когда я вырос, я тоже начал стрелять; но настоящим охотником никогда не сделался...